

О. Л. Данскер

ЗАРРАБИН

Первая встреча с И.И. Зарубиным оставила странное впечатление. Вчерашние школьники, привыкшие тесно общаться с учителями, мы были озадачены. В аудиторию вошел высокий худощавый человек с сероватым лицом заядлого курильщика. Пепельные с сединой волосы, глубокие складки у рта выдавали возраст. Но у него была моложавая осанка и свободная манера двигаться.

Он поздоровался, сел, закинул длинные ноги одна на другую. Молча внимательно оглядел всех нас. С самого появления его лицо оставалось непроницаемым. Ощущалась сразу установленная им дистанция. Занятие он начал с предложения задавать вопросы, если что-нибудь покажется неясным и высказывать возникшие соображения. При этом он призвал нас не бояться говорить глупости, потому что таким образом мы будем от них освобождаться. Затем он погрузился в грамматические тонкости таджикского языка. Поскольку меня интересовало практическое его освоение, то я не столько внимала, сколько наблюдала, пытаюсь понять, что это за человек. Его речь отличалась безупречной чистотой, четкостью, ясностью. Но в ней недоставало каких-то живых интонаций. Он говорил спокойно, с паузами, словно обдумывая, как наиболее лаконично выразить мысль. Был скуп не только на слова, но и на жесты.

Зарубин показался мне замкнутым, педантичным, проще говоря, «сухарем». Впоследствии он виделся мне уже совсем другим, наверное, потому что стал относиться к нам по-отечески и даже звать по именам.

Тогда, на первом занятии, Ив. Ив. очень быстро распознал и выделил самых способных, угадав в них будущих лингвистов, — Юлю Богорад и еще двух–трех человек. К ним преимущественно и обращался, совершенно ничего не предпринимая, чтобы завладеть вниманием всей группы. Потом, на экзаменах, и оценки им ставил высокие, даже если ответ был не блестящим. Забегая вперед, скажу, что однажды, когда мы уже к нему привыкли, мне на экзамене попался легкий текст, я его лихо перевела, и вообще ответ удался. Ив. Ив. удовлетворенно кивнул и сказал: «Хорошо». Даже повторил пару раз это «хорошо». И поставил в зачетку... «хорошо». Юле Богорад в тот раз не повезло. Что-то не заладилось с переводом, ответ получился смазанным, с поправкам. В ее зачетку Ив. Ив. поставил «отлично». Это было мудро и справедливо, я это поняла. Он оценивал не ответ на экзамене, а уровень знаний, о котором, конечно, имел полное представление. Через некоторое время, он, почему-то вспомнив экзамен, сказал лукаво: «А вот Леля на меня обиделась за то, что я ей не поставил “отлично”». И я вдруг неожиданно для себя совсем по-детски возразила: «А вот и нет!». Зарубин удивленно поднял брови, а я продолжила уже изобличительно: «Ведь если бы Вы мне поставили “отлично”, то потом каждый раз при какой-нибудь моей ошибке напоминали об этом и укоряли». Он громко расхохотался. Как видно, с прогнозом я попала в точку. Тогда я позволила себе такую вольность, потому что чувствовала его доброе и заинтересованное отношение

к нам и ко всему, что с нами происходит. Мы закончили второй курс, когда началась война...

После войны этнографическое отделение перевели с филфака на Восточный факультет. Оба «жили» в одном здании. Мы с Юлей Богорад оказались на разных курсах. Она успела вернуться к началу учебного года и стала третьекурсницей. Я демобилизовалась только в самом конце ноября 1944 г., и потому была зачислена снова на второй курс с зачетом сданных перед войной экзаменов.

Попала в группу из 5–6 человек. Занятия с Ив. Ив. возобновились, но теперь проходили у него дома, т.к. он был нездоров. Что с ним, мы не знали и не любопытствовали. Мы приходили к Ив. Ив. на 2-ю линию Васильевского острова, где он жил с женой на первом этаже в темноватой квартире. Она, врач, незадолго до того вернулась с фронта.

Войдя в его тесный кабинет, мы рассаживались за круглым столом, придвинутым к дивану, на котором сидел Ив. Ив. Он закуривал папиросу и начинал урок. Курил красиво, редкими затяжками, без клубов дыма. Иногда задумывался. Однажды его обычная пауза показалась слишком долгой. Он сидел неподвижно, уставившись в стол. Мы забеспокоились, и кто-то тронул его за плечо: «Иван Иванович!». Он вздрогнул, откинулся назад, и начался припадок. Все бросились к нему и держали за голову, за ноги, пока его мучительно корежило. Постепенно он успокоился, расслабился. Мы вернулись на свои места. Иван Иванович сел и, глядя на нас, сказал, словно ничего не случилось: «Ну, вот и все. Осталось только томление и легкое кокетство». Какое самообладание! Самоирония в такой момент... Эта сцена, его слова врезались в память на всю жизнь. Теперь мы знали, почему занимаемся у него дома. Но изредка он все же появлялся в университете.

Восточный факультет славился капустниками, остроумными, злободневными. Я тоже участвовала в них. На одном из таких вечеров пела в хоре и исполняла с партнером «Танец холода» собственного сочинения (зимой в аудиториях приходилось сидеть в пальто, дров не хватало). В антракте я вышла в коридор и вдруг увидела Ивана Ивановича. Я застыла на месте. Ужас! Он видел, как я отплясывала! Да я бы и не сунулась на сцену, если б знала, что он в зале. Все это он, видимо, понял по моей физиономии. Подошел, неожиданно похвалил и сказал, что мне лучше профилироваться не по части материальной культуры таджиков, а по их искусству. На следующем занятии он вернулся к теме выбора дела, которым будешь заниматься.

Ив. Ив. говорил: «Выбирать дело нужно так, чтобы использовать все способности, которыми обладаешь, самые разные. Нужно реализовывать себя максимально». Это навело на размышления. Я решила посещать параллельно с университетом занятия в консерватории как вольнослушатель (за плечами была только музыкальная школа-семилетка). Договорилась с руководителями курсов «Русский музыкальный фольклор» и «Музыка народов СССР». Иногда сбегала с лекций, а потому не хотела широкого оповещения. Ив. Ив., вероятно, и не знал, что направил меня «на путь истинный». Я и сама только спустя годы осознала, что именно ему обязана выбором профессии.

В наших занятиях с Ив. Ив. со временем появилось нечто новое. Обычно это происходило ближе к концу нашего пребывания у него. Уже собиравшимся уходить он неожиданно задавал вопрос из области, далекой от нашего предмета: истории, литературы и т. д. По-моему, он никогда не получал ответа. Но нас вгоняла в ступор не внезапность вопроса. Особенно запомнился случай, когда он задал вопрос по географии. Насладившись (а может быть, возмутившись) нашим понурым молчанием, он сказал:

«Какие вы счастливые, вам еще столько предстоит узнать!». Всю дорогу домой я боролась со слезами. Не от обиды, а от придавившего чувства униженности, от сознания невежества. Это запомнилось навсегда.

До сих пор не могу понять, почему, зачем он это делал. Наверняка из благих намерений. Но чего хотел достичь? Может быть, таким жестоким способом хотел нас побудить к любознательности.

С Иваном Ивановичем было интересно, общение с ним давало ощущение наполненности, побуждало размышлять. Но я всегда испытывала опасение, боялась опозориться — неверным ударением в слове, незнанием чего-либо.

Влияние Ив. Ив. сказалось и на моей личной жизни. Когда мы были на последнем курсе, он не раз полушутя говорил нам: «Выходить замуж нужно по специальности». Мы уже привыкли к тому, что Ив. Ив. не говорит ничего просто так. И все, что он произносил, западало в голову. Я действительно вышла замуж «по специальности» — за сокурсника ираниста-лингвиста. Мы вместе проработали в Таджикистане четыре года, где я вполне реализовала себя.

Там, в Сталинабаде (Душанбе), беседуя с коллегами по работе, с людьми, побывавшими не раз на Памире, я узнала, что Иван Иванович на «Крыше мира» личность легендарная. Что хотя прошло много лет с тех пор, как он излазал Памир вдоль и поперек, собирая материал о языках и диалектах, его помнят и чтут до сих пор. А фамилию его — Зарубин — произносят там *Заррабин* (зарра — мельчайшая часть, пылинка, атом), т. е. видящий атом.